

ПСЕВДО-ПУШКИН В ШКОЛЬНОМ КАНОНЕ: МЕТАМОРФОЗЫ «ВИШНИ»

АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН

История бытования стихотворения, о котором пойдет речь, удивительна. Уже почти полтора века оно входит в самые популярные детские хрестоматии, почти сто лет распространяется под именем Александра Сергеевича Пушкина. По нему учились читать, его заучивало наизусть, исполняло со сцены в составе хора несколько поколений русских детей. Оно и сейчас входит в различные книги для чтения и обязательные учебные программы (см., к примеру: [Мой родной дом: 31]). Можно сказать, что именно с этого стихотворения начинается знакомство детей с пушкинским творчеством.

Однако это «пушкинское стихотворение» Пушкину вовсе не принадлежит. Точнее говоря, поэту могут принадлежать только первые десять строчек, да и те встречаются далеко не во всех его книгах, даже не во всех собраниях сочинений, поскольку их авторство окончательно не доказано. История о том, как сомнительный текст попал в школьный канон и закрепился в нем, и станет предметом настоящей главы.

1.

В конце 1857 г. вышел из печати седьмой, дополнительный том сочинений Пушкина под редакцией П. В. Анненкова. Первые шесть томов проходили редакционно-издательский цикл еще во времена николаевского царствования, поэтому их редактор не мог включить в это издание многие достойные публикации тексты, опасаясь цензурных придирок¹. Но с началом правления Александра II общественный климат изменился, и Анненков решил

---

¹ О цензурных проблемах, с которыми столкнулся Анненков, он в 1880 г. рассказал в статье «Любопытная тяжба» (см.: [Анненков]).

собрать и опубликовать в качестве дополнения к подготовленному им изданию пушкинские тексты, не имевшие шансов пройти цензуру еще два-три года назад.

...Всякое издание классического писателя должно соответствовать времени своего выхода и потому неизбежно имеет своего рода ограничения и условия, — писал он в предисловии к седьмому тому, намекая на цензурные придирки и оправдывая неизбежную неполноту подготовленных им томов, — задача издания состоит только в том, чтоб не быть ниже потребностей и возможностей современности [Пушкин 1857: 1].

Далее Анненков объяснял необходимость выпуска дополнительного тома тем, что не хочет «откладывать долее сообщение новых и довольно значительных приобретений» текстов Пушкина [Там же: 1–2]. Этот дополнительный том открывался стихотворением «Вишня», имевшим подзаголовок «Лицейское стихотворение» и датированным 1815 г. По какому источнику печатается текст и на каком основании он датируется, Анненков не сообщал².

Напомним начало этого большого стихотворения, эротический сюжет которого излагать здесь считаем излишним:

Румяной зарею
 Покрылся восток,
 В селе за рекою
 Потух огонек.

 Росой окропились
 Цветы на полях,
 Стада пробудились
 На мягких лугах.

 Туманы седые
 Плывут к облакам,
 Пастушки младые
 Спешат к пастухам.

 С журчаньем стремится
 Источник меж гор,

² Это обстоятельство не ускользнуло от внимания П. А. Ефремова, постоянного хулиателя и оппонента Анненкова, который поначалу включал «Вишню» в редактируемые им полные собрания сочинений Пушкина, но затем стал противником его авторства: «...к удивлению, этот аккуратный издатель ни единым словом не обмолвился: откуда он получил его, а также кем и почему именно оно приписывается Пушкину — единственный случай умолчания Анненковым о происхождении и степени достоверности стихотворения, напечатанного им в первый раз» [Пушкин 1905: 42].

Вдали золотится
Во тьме синий бор [Пушкин 1857: 7].

Отметим, что и седьмой том анненковского издания не избежал цензурного вмешательства. Еще 6 апреля 1857 г. цензор И. А. Гончаров, которому, очевидно, первоначально попал том³, отправил на рассмотрение Главного управления цензуры большой рапорт, где перечислил сомнительные с его точки зрения места. Разумеется, первым номером в его списке стояла «Вишня», о которой будущий автор «Обломова» отозвался так: «В стихотворении “Вишня” <...> в последних двух строфах, в описании “раздавленной вишни”, можно подозревать намек на другое, но намек этот прикрыт свойственною Пушкину грациею и не оскорбляет приличия» [Гончаров: 23]. Впрочем, резюмируя свои претензии, Гончаров заключал, «что уважение к памяти поэта требует всевозможной пощады и осторожности при цензурном рассмотрении его сочинений, которые и в этом отношении могли бы, до значительной степени, составить исключение противу других писателей», и что он «полагал бы испросить разрешение Главного управления цензуры на одобрение VII-го тома “Сочинений Пушкина” в печать без всяких изменений...» [Там же: 26–27]. С Гончаровым не согласились: ряд фрагментов из тома был изъят. Пострадала и «Вишня»: из стихотворения была вычеркнута смутившая Гончарова концовка и еще несколько строк. Однако вскоре они увидели свет: большинство напечатал П. А. Ефремов в специализированных и малотиражных «Библиографических записках», самые же крамольные дошли до типографии только в Берлине и появились в издании пушкинских стихотворений под редакцией Н. В. Гербеля⁴.

Поначалу без сомнений включавшееся в собрания сочинений Пушкина (разумеется, с купюрами), стихотворение уже к началу XX в. приобрело дубиальный статус⁵. Сейчас «Вишню» можно встретить как в разделе “Dubia” пушкинских многотомников (причем не во всех оно напечатано пол-

³ Цензурное разрешение 5 июля 1857 г. подписал В. Н. Бекетов.

⁴ Об истории публикации «Вишни» см.: [Пушкин 1999: 790–791], а также: [Дубровский: 131], в последней работе перечислены известные ныне немногочисленные копии «Вишни» — все они позднего времени. Еще об одном неисправном списке 1870-х годов см.: [Назаревский: 228].

⁵ Одними из первых атрибуцию Анненкова оспорили П. А. Ефремов [Ефремов: 4; Пушкин 1905: 42] и В. Я. Брюсов [Брюсов: 403], а Л. Н. Майков не включил «Вишню» в подготовленный им том лицейской лирики Пушкина [Пушкин 1899]. Характерно также, что располагавший полным списком «Вишни» В. П. Гаевский (именно по принадлежавшей ему копии текст стихотворения напечатан в первом томе нового академического издания; см.: [Пушкин 1999: 790]) не упомянул о нем в цикле своих статей «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения» (Современник. 1863. № 7–8).

ностью — советская цензура порой бывала стыдливее царской), так и различных сборниках типа «Пушкин не для дам».

Этому тексту так и суждено было стать «достоянием доцента», если б спустя несколько лет после выхода седьмого анненковского тома живший в Германии молодой русский учитель не задумал создать учебник русской речи нового типа для малолетних детей. Забегая вперед скажем, что этот учебник совершит переворот в русской педагогике и обессмертит имя его создателя. Звали учителя Константин Дмитриевич Ушинский.

2.

В начале 1860-х гг. Ушинский начинает работу над учебником-хрестоматией для начальных классов русских школ, которая впоследствии получит название «Родное слово»: две ее части — для первого и для второго года обучения — выйдут в свет в 1864 г. Сотрудник Ушинского Л. Н. Модзалевский отмечал впоследствии:

...названный учебник предназначался им исключительно для семейного употребления, и притом — в семействах преимущественно дворянско-городских, дети которых лишены самой возможности непосредственно наблюдать русскую народную жизнь и родную природу. Наш педагог думал, что этот существенный пробел может быть хотя отчасти восполнен книгой и картинкой. Для народной школы, куда впоследствии попало «Родное слово», а тем более для школы инородческой, оно никогда не предназначалось. Это, так сказать, семейно-дворянское назначение учебника <...> явствует из самого содержания его; самый перечень дворянских игрушек на первых же страницах книжки, описание квартиры с «кабинетом» отца; детские воспоминания о Рождестве и Пасхе; вся обстановка описываемой жизни (платье, обувь, пища и т. п.), — все это носит на себе характер городской и далеко не простонародный [Модзалевский 1881: 45–47].

Исходя из таких установок Ушинский и подбирал материал: обе части «Родного слова» насыщены пословицами, поговорками, переделками русских и европейских сказок, среди картинок преобладают изображения животных и растений.

Первая часть «Родного слова» делится на небольшие тематические разделы — их тридцать шесть, по две-три страницы, в каждом из которых Ушинский старался представить тексты на какую-то одну тему. Вот, к примеру, названия этих разделов: «Домашние животные и дикие звери», «Меры времени, длины и тяжести», «Люди по возрастам и занятиям», «Части человеческого тела» и т. п. Почти в каждый раздел включено

по стихотворению, а то и не по одному: Ушинский считал, что хорошие стихи необходимы для обучения чтению и правильной речи. В книге для учителей, работающих по «Родному слову», он так объяснял выбор тех или иных стихов для своей хрестоматии:

Детскими стихотворениями до крайности бедна наша литература. Ни один из наших замечательных поэтов не потрудился для педагогических целей; и если в их произведениях мы встречаем что-нибудь пригодное для детской книжки, то это редкая случайность. По большей части даже и в таких стихотворениях есть два-три стиха, которые должны быть или выброшены, или переделаны. Кроме того, преобладание лирического элемента в нашей поэзии делает затруднительным даже такой выбор. <...> Между хорошими, хотя и отрывочными стихотворениями, которых, к сожалению, слишком мало, встречаются в моей книжке и положительно посредственные стихотворения, переделанные по большей части с немецкого. Знаю, что могут напасть на меня за помещение таких плохих стишков; но пусть укажут в нашей литературе, чем наполнить эти пробелы. Если в стихах не искажена мысль, есть картина или проблеск чувства, доступного детям, то я помещал эти стихи, ради каданса и рифмы, которые нравятся детям и производят на них хорошее впечатление [Ушинский 1949: 303–304].

Ушинскому надо было представить в своей хрестоматии максимально простой и понятный детям материал, и ради этого он шел на сокращения и изменения даже пушкинских стихов: текстологические проблемы его заботили меньше всего. Среди авторов отобранных им стихов — Хемницер, Майков, Мей, Никитин, Плещеев, Огарев, Некрасов, Кольцов, Тютчев, даже Василий Туманский и Юлия Жадовская. Отметим к слову, что в тексте книг авторы стихов не указаны, а названы только в оглавлении; эта система сохранится во всех бесчисленных переизданиях «Родного слова».

Но все же стихов не хватало, и Ушинский обратился за помощью к своему другу и коллеге Льву Николаевичу Модзалевскому, пробовавшему себя также в качестве детского поэта. Последний так вспоминал об этом:

В начале 60-х годов наш незабвенный педагог К. Д. Ушинский, занимавшийся тогда за границей составлением «Родного слова», не раз выражал мне свое севование на наших поэтов, игнорирующих поэтические потребности русских детей и русской школы. Чтобы пополнить пробелы в некоторых отделах своей книжки, для которых К. Д. никак не мог подыскать соответствующие стишки и песенки, он обращался за содействием ко мне. Живя с покойным К. Д. то в Гейдельберге, то в Веве, я сообщил ему около 30 детских песенок: отчасти оригинальных, отчасти подражательных, и некоторые из них были им помещены в двух первых книжках под буквами Л. М. или даже совершенно анонимно, о чем я его просил (цит. по: [Свирель: 3]).

Всего в «Родном слове» Ушинский поместил восемь оригинальных и переводных стихотворений Модзалевского (см.: [Бахтин: 69]; ср.: [Ушинский 1949: 342–343]); инициалами «Л. М.» было отмечено лишь три из них.

Однако среди стихотворений, переданных Модзалевским Ушинскому, кроме исчисленных выше, было еще одно, опубликованное без указания авторства в первой части «Родного слова», в разделе «Части суток, дни недели, времена года»:

УТРО

Румяной зарёю
 Покрылся восток;
 В селе за рекою
 Потух огонек;
 Росой окропились
 Цветы на полях;
 Стада пробудились
 На мягких лугах.
 Туманы седые
 Плынут к облакам,
 Гусей караваны
 Несутся к лугам,
 Проснулись люди,
 Спешат на поля;
 Явилось солнце,
 Ликует земля! [Ушинский 1864: 35]

Ушинский знал, что первые десять строк этого стихотворения несколько лет назад были опубликованы под именем Пушкина и что дальнейший сюжет оригинального текста едва ли можно рекомендовать для чтения детям любого возраста. Но, повторяюсь, составитель «Родного слова» был не текстологом, а практикующим педагогом, и для поэтического описания деревенского утра лучшего не мог и желать. Возможно даже, он сам приложил руку к редактированию текста. Сохранились две тетради, куда Ушинский заносил стихотворения для «Родного слова»; в одной из них записано «Утро» [Ушинский: л. 19 об.–20]. В оглавлении тетради (составленном, правда, позднее) после заглавия этого стихотворения стоит либо «(К. У.)», либо «(М. У.)» [Там же: л. 2] — первую букву можно прочесть двояко. Это можно раскрыть либо как «Константин Ушинский» (что маловероятно), либо как «Модзалевский Ушинский», — и поэтому нельзя исключать того, что друзья переработали текст «Вишни» вместе. Любопытны пометы в тексте тетради: если перед началом «Утра»

Ушинский надписал карандашом «Пушк.<ин>», то после стихотворения карандашом же поставил «Л. М.<одзалевский>».

Авторство (или, точнее, соавторство) Модзалевского удостоверяется им самим: в его архиве⁶ сохранилась тетрадь, озаглавленная «Детские песни Л. Н. Модзалевского». В этот сборник вошли 32 нумерованных текста; под номером XXVI стоит «Утро»; рядом на полях помета, обозначающая, что это стихотворение было помещено в «Родном слове»⁷.

Сказать, что хрестоматии Ушинского имели успех и стали популярны, значило бы не сказать ничего. Последующие полвека именно по ним учились читать большинство детей Российской империи. До революции 1917 г. вышло около полутора сотен изданий каждой из частей «Родного слова», суммарный тираж которых едва ли кто-нибудь в состоянии подсчитать, но нет никакого сомнения, что он составил не один миллион экземпляров. Среди стихотворений первой части «Родного слова» детям полюбилось именно «Утро», что подтверждается многочисленными свидетельствами как в мемуарах, так и в художественной литературе. Поколения русских малышей заучивали его наизусть — и для ответа на экзамене, и просто так, по велению души. И при этом стихотворение оставалось для них анонимным, редко кто задним числом связывал его с именем Пушкина. Вот характерный пример из «Жизни Арсеньева» И. А. Бунина, романа во многом автобиографичного. Главный герой рассказывает о том влиянии, которое с раннего детства оказывал на него Пушкин, о своей любви к нему:

Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни. Когда он вошел в меня? Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне «нашего» по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал все только «наше», для нас и с нашими чувствами. <...> Что же до моей юности, то вся она прошла с Пушкиным [Бунин: 108–109].

Однако, поступая в гимназию, герой на экзамене читает наизусть «Румяной зарею покрылся восток...» — не называя автора [Там же: 42–43]; если бы он был уверен, что это стихотворение считается пушкинским, то, нет со-

---

⁶ ИРЛИ, ф. 187. Считаю приятной обязанностью поблагодарить Л. К. Хитрово, предоставившей возможность работать с материалами необработанных фондов Л. Н. и Б. Л. Модзалевских.

⁷ В 1916 г. пушкинист Борис Львович Модзалевский выпустил книгу стихов своего отца, включив туда «Утро», но сопроводив примечанием: «Первые 10 стихов принадлежат Пушкину (стих. “Вишня”)» [Модзалевский 1916: 30].

мнений, упомянул бы об этом⁸. Впоследствии, когда «Родное слово» пережило почти тридцать лет запрета и заново возвращалось в культуру, один из исследователей русской педагогики патетично писал о значении школьных книг для чтения в деле воспитания вкуса к знаниям, из всех многочисленных хрестоматийных текстов вспомнив именно «Утро»:

Кто из людей старшего поколения не помнит этих чудесных строк: «Румяной зарею покрылся восток. В селе за рекою потух огонек...» <...> Поистине, на всю жизнь запоминаем мы то, что читали со своим первым учителем на заре жизни, когда еще только овладевали искусством чтения. Как младенец впитывает молоко матери, так же жадно малыш-школьник припадает к первому в его жизни источнику знаний, каким была и остается поныне школьная хрестоматия [Глаголев: 100].

Между тем, пока «Утро» совершало свой триумфальный путь по начальным школам⁹, у него начиналась еще одна жизнь — музыкальная.

3.

Впоследствии, когда «Родное слово» получило обширную известность и в семье, и в школе, многие составители и издатели детских песенников сделали честь этим, давно забытым мною, стихам, положив их на музыку <...>. Это обстоятельство подало мне мысль собрать стихи, как волшебные в «Родное слово», так и не волшебные по излишеству, и издать отдельно с нотами, украсив сборник еще несколькими подходящими отрывками из наших лучших поэтов. Музыкальную сторону дела принял на себя близко знакомый с требованиями начального музыкального образования композитор В. В. Кюннер (цит. по: [Свирель: 3]), —

писал Л. Н. Модзалевский в предисловии к нотному сборнику песен для детей «Свирель», который был выпущен им в 1878 году¹⁰. В этот сборник вошло 32 опуса — песни на стихи не только самого Модзалевского, но также Жуковского, Пушкина, Кольцова, Никитина. Девятым номером стоит

⁸ Трактовку этого эпизода в книге С. А. Коваленко «Крылатые строки русской поэзии» (см.: [Коваленко: 201]) нельзя не считать недоразумением.

⁹ Стоит отметить, что несмотря на свою популярность «Утро» в других книгах для чтения отсутствует, поскольку Ушинский запретил перепечатку своих материалов: «Все неподписанные в оглавлении статьи принадлежат составителю, который покорнейше просит не перепечатывать их в изданиях, имеющих одно назначение с “Родным словом”» [Ушинский 1949: 11].

¹⁰ Издание 1878 года в библиотеках Санкт-Петербурга разыскать не удалось; в различных источниках место издания этого сборника указывается по-разному: Москва [Бахтин: 62] или Тифлис [Модзалевский 1899: 45]. Мы пользовались переизданием 1900 года [Свирель].

известный нам текст — под заглавием «Утром» и так же, как и в «Родном слове», без указания автора [Свирель: 14–15].

Начало было положено: на «Утро» обратили внимание композиторы, работавшие дня нужд русской школы¹¹. Поначалу в музыкальной среде этот текст также бытовал как анонимный: в некоторых нотных сборниках его автор не указан (см.: [Маренич; Гдешинский]), но уже в 1894 г. его авторство было приписано Пушкину (см.: [Орлов] — в этом сборнике он был назван «Восход солнца» — это обстоятельство отметим особо; [Брянский¹²]). Вскоре последовавший пушкинский юбилей подарил нам еще несколько музыкальных сочинений на стихотворение из «Родного слова» (см.: [Пушкин в музыке: 33–34]), и уже везде автором текста был назван Пушкин.

Итак, на рубеже XIX и XX вв. стихотворение «Румяной зарею покрылся восток...» существовало в трех видах: под заглавием «Вишня» в составе нескольких десятков строк оно то включалось в полные собрания сочинений Пушкина, то изгонялось оттуда; под заглавием «Утро» как анонимное читалось по слогам и заучивалось наизусть в начальных школах; как несомненно пушкинское распевалось девичьими дуэтами, трио и хорами в женских учебных заведениях — как «Утро» и как «Восход солнца»... Так продолжалось до 1917 года.

4.

Нет смысла напоминать, что случилось в этот и последующие годы. Научное книгоиздание фактически замерло, «Родное слово» было запрещено, женские учебные заведения распущены. Рискну предположить, что знакомая всем грамотным русским строка «Румяной зарею покрылся восток...» стала восприниматься как один из символов той старой русской жизни, которая стремительно уходила. Популярность же этого стихотворения позволяла создавать вокруг него пародийные тексты. Вот рассказ Аркадия Аверченко из книги «Смешное в страшном: Новые юмористические рассказы» (Берлин, 1923), где повествуется о якобы издаваемом в Советской России новой детском журнале «типа “Игрушечки”, “Задушевного слова”,

¹¹ Стоит указать, что еще в 1877 году Э. Ф. Направник написал романс «Вишня» в границах текста, опубликованного Анненковым. Единственный известный нам экземпляр этого опуса хранится в библиотеке Санкт-Петербургской филармонии.

¹² Первое издание сборника Н. Брянского нами не было обнаружено, но, судя по дате цензурного разрешения, оно вышло в 1894 году.

“Тропинки” или “Галчонка” — под названием: — “Коммуненок”»); в этом журнале в числе прочих печатаются и такие стихи:

Румяной зарею
 Покрылся восток,
 В селе за рекою
 Потух огонек.
 Огонь тот — свободы!
 Помещиков жгут:
 России народы
 Свободу дают! [Аверченко: 47, 48]

Спустя несколько лет после переворота новому государству понадобились новые хрестоматии. Мы не имели возможность просмотреть все издания подобного рода 1920–30-х гг., но в самых часто издаваемых и тиражных места «Утру» не находилось¹³. В качестве исключения можно указать на два издания: в первом «Утро» было помещено в своем классическом виде [Живой родник: 122–123], а в другом — под заглавием «Восход солнца», причем почти все строки (кроме 1-й и 5-й) начинались со строчных букв [Наш мир: 237]. Последнее обстоятельство прямо указывает на то, что составители этой хрестоматии взяли текст или из нотного сборника В. М. Орлова [Орлов], либо вообще записали его по памяти (или со слуха).

Тем не менее, традиции эти издания не создали, и на три десятка лет стихотворение «Утро» ушло из актуального культурного поля. Бытование же музыкального произведения продолжалось. У нас нет сведений об исполнении «Утра» (или «Восхода солнца») в школах в 1920–30-е гг., но в памяти педагогов эта песня присутствовала. Об этом свидетельствуют методические разработки, выпущенные к очередному пушкинскому юбилею, столетию со дня его смерти, который отмечался в стране с невиданным размахом. Так, в книге С. Н. Луначарской «Юбилей А. С. Пушкина в школе» (1936) «Утра» нет в списке пушкинских стихотворений, рекомендованных «для заучивания наизусть, выразительного чтения и инсценировок, а также и для изучения в литературных кружках старших классов» [Луначарская: 40], однако оно значится первым номером в перечне музыкальных произведений для исполнения на пушкинских вечерах: «Следует разучить с ребятами такие хоровые песни, как двухголосый хор “Румяной зарею покрылся восток” — музыка Ребикова...» [Там же: 142]. Ту же картину ви-

¹³ Например, в хрестоматии «Новая деревня: Книга для чтения во II группе сельской школы» (авторы-составители В. И. Вольнская, Е. Е. Соловьева и др.), которая с 1925 г. выдержала около полутора десятков изданий общим тиражом более двух миллионов экземпляров.

дим в сборнике «Пушкин в начальной школе» (1937): в представительной подборке стихов Пушкина места «Утру» также не нашлось, но в «Примерной программе утренников для I и II классов» числится «Ипполитов-Иванов, “Утро” (“Румяной зарею”) — трехголосый хор» [Пушкин в начальной школе: 81]. Оставался всего один шаг до возвращения этого текста в школьные хрестоматии.

Этот шаг был сделан в 1944 г., когда в свет вышло первое издание сборника «Родная речь», на многие годы ставшего основным учебником для школьников начальных классов. Его составители (среди которых были и авторы названного выше сборника «Пушкин в начальной школе») не прикрито ориентировались на «Родное слово» Ушинского — как по структуре книги, так и по ее составу. И нет ничего удивительного, что в новой хрестоматии появляется «Утро» [Родная речь: 224]¹⁴. Как и в «Родном слове», в первых изданиях «Родной речи» авторы указывались только в оглавлении, и рядом с заглавием этого стихотворения стоит имя Пушкина¹⁵.

Войдя в обязательную учебную программу, «Утро» обрело такую же популярность среди школьников и учителей, как и до революции. Более того, оно даже удостоилось специальных методических разработок (см.: [Феденёва: 30]). Проблемы же его атрибуции не занимают современных педагогов, и, несмотря на то, что уже неоднократно указывалось на сомнительный статус этого текста, он остается в школьном пушкинском каноне.

Сетовать на это обстоятельство бессмысленно. Даже если вдруг будет убедительно доказано, что Пушкину не принадлежат и первые десять строк «Утра», для очень многих людей это стихотворение навсегда останется пушкинским, а в школах будут его читать, изучать и заучивать наизусть. Пожалуй, лучшее объяснение этому феномену дал поэт и переводчик Леонид Черевичник:

Наступает новое утро. Дети приходят в школу, садятся за парты, открывают свою «Родную речь».

Румяной зарею
Покрылся восток,
В селе за рекою
Потух огонек...

¹⁴ Мы также не имели возможности просмотреть все издания «Родной речи», даже ранние, но укажем, что в шестом издании (1949) текст «Утра» состоит из трех строф, а не из четырех.

¹⁵ Укажем также, что под именем Пушкина это стихотворение напечатано и в советском переиздании «Родного слова», которое вошло в шестой том Собрания сочинений Ушинского [Ушинский 1949: 12].

Пушкин? Не Пушкин? В «Родной речи» написано: Пушкин. Так мы и запоминаем это стихотворение с именем Пушкина с детских лет. Но, спустя какое-то время, когда появляется интерес к предисловиям, примечаниям, узнаем, что это стихотворение <...> как бы и не принадлежит Пушкину, что считать его произведением Пушкина «нет достаточных оснований». <...> Кому же, как не Пушкину, принадлежит первая строфа стихотворения? Все последующие — могут принадлежать многим. А вот эта, первая... <...> Вот и гадаем: Пушкин? Не Пушкин?... Но какое счастье, что эти стихи все же попали в нашу «Родную речь»! Что было бы, если бы мы их не знали? Как обеднел бы наш мир! Может быть, эта строфа, известная нам с самого детства, и образовала наш вкус, может быть, благодаря ей мы и можем отличать истинную поэзию от всевозможных подделок. Столько поколений видит под этими строками имя: Пушкин. Значит, основания для того, чтобы считать их принадлежащими Пушкину, есть. И вполне достаточные основания: у всего лучшего, что написано, одно имя: Пушкин [Черевичник: 137].

Думается, подобную аргументацию оспорить невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверченко: *Аверченко А. Т.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 2007. Т. 6.
- Анненков: *Анненков П. В.* Любопытная тяжба // П. В. Анненков и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 годов. СПб., 1892. Т. 1. С. 393–424.
- Бахтин: *Бахтин Н. А.* Н. Модзалевский, как детский поэт // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. № 5. С. 61–70; паг. 2-я.
- Брюсов: *Брюсов В. Я.* Marginalia-Pushkiniana: Заметки на полях сочинений Пушкина // Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 397–406.
- Брянский: Сборник песен для детей одногласных и двухголосных с фортепиано Н. Брянского. 2-е изд. СПб., 1895.
- Бунин: *Бунин И. А.* Собрание сочинений: В 6 т. М., 1988. Т. 5.
- Гдешинский: Детские песни для 2-х голосов / Музыка П. С. Гдешинского. М., [1896].
- Глаголев: *Глаголев П.* Первый незабвенный источник знаний: (О книгах для классного чтения в начальной школе) // Народное образование. 1959. № 10.
- Гончаров: *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. СПб., 2013. Т. 10.
- Дубровский: *Дубровский А. В.* «Мнимый Пушкин» в «посмертном» и «анненковском» собраниях сочинений поэта // «Он видит Новгород Великой...»: Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Великий Новгород, 31 мая – 4 июня 2004 г. [СПб.; Новгород, 2004]. С. 120–145.
- Ефремов: *Ефремов П. А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903.

Живой родник: Живой родник: Первая книга для чтения в школе и дома / Сост. В. Гусаков, Г. Макаров, А. Насимович, Н. Чернышев, Н. Чукаев. М., 1922.

Коваленко: *Коваленко С. А.* Крылатые строки русской поэзии: Очерки истории. М., 1989.

Луначарская: *Луначарская С. Н.* Юбилей А. С. Пушкина в школе. М., 1936.

Маренич: Песни для школы, детские и народные, на один, на два и на три голоса: Классное пособие при обучении пению / Сост. Г. Маренич. СПб., 1878.

Модзалевский 1881: <*Модзалевский А. Н.*> К биографии К. Д. Ушинского: (По поводу его биографического очерка). [Тифлис, 1881] (отд. отт. из газеты «Кавказ»).

Модзалевский 1899: Из педагогической автобиографии Льва Николаевича Модзалевского. СПб., 1899.

Модзалевский 1916: *Модзалевский А. Н.* Для детей: Стишки. Пг., 1916.

Мой родной дом: Мой родной дом: Программа нравственно-патриотического воспитания дошкольников / Под общ. ред. Т. И. Оверчук. М., 2004.

Назаревський: *Назаревський О. А.* Пушкінські матеріали в київських рукописних сховищах: (Автографи, копії, згадки сучасників та ін.) // О. С. Пушкин: (Статті та матеріали). Київ, 1938. С. 212–236.

Наш мир: Наш мир: Книга для занятий родным языком. Часть I / Сост. Н. Л. Бродский, Е. Д. Домашевская, Н. М. Мендельсон, Л. Н. Реформатский, Н. П. Сидоров, И. М. Соловьев при участии художника А. И. Кобыличного. М.; Пг., 1923.

Орлов: Песни о родине: 27 трехголосных хоров (преимущественно для учебных заведений) / Музыка В. М. Орлова. СПб.; М., [1894].

Пушкин 1857: *Пушкин А. С.* Сочинения / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7, доп.

Пушкин 1899: *Пушкин А. С.* Сочинения / Изд. Имп. Академии наук; Приготовил и применениями снабдил Л. Н. Майков. СПб., 1899. Т. 1 (2-е изд. СПб., 1900).

Пушкин 1905: *Пушкин А. С.* Сочинения / Ред. П. А. Ефремова, СПб., 1905. Т. 8.

Пушкин 1999: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1.

Пушкин в музыке: Пушкин в музыке: Справочник / Сост. Н. Г. Винокур, Р. А. Каган. М., 1974.

Пушкин в начальной школе: Пушкин в начальной школе / Сб. сост. Н. Н. Щепетова, Е. Е. Соловьева, Т. Н. Попова, А. А. Канарская. М., 1937.

Родная речь: *Соловьева Е. Е., Щепетова Н. Н., Карпинская Л. А., Канарская А. А.* Родная речь: Книга для чтения во II классе начальной школе. М., 1944.

Свирель: Свирель: Сборник школьных песен (для детей от 7 до 12-летнего возраста). Слова Л. Н. Модзалевского и др. Музыка В. В. Кюнера. Новое издание. СПб., [1900].

Ушинский: <*Ушинский К. Д.*> Материалы для Родного Слова. Собрание стихотворений. Тетрадь 1-я // ИРЛИ. Ф. 316. Ед. хр. 14.

Ушинский 1864: Родное слово для детей младшего возраста. Год первый. Азбука и первая книга после азбуки для чтения, с прописями, образцами для первоначального рисования и картинками в тексте / Сост. К. Ушинский. СПб., 1864.

Ушинский 1949: *Ушинский К. Д.* Собрание сочинений М.; Л., 1949. Т. 6.

Феденёва: *Феденёва Л. Н.* Как я развиваю речь на уроках чтения: Из опыта работы во II классе // Начальная школа. 1957. № 7. С. 29–33.

Черевичник: *Черевичник Л.* Три вечности мира // Даугава. 1999. № 5/6. С. 135–140.